

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

XVIII

ВЕКА

Хрестоматия

Том 1

Составители

Б. И. Пуришев, Б. И. Колесников, Я. Н. Засурский

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Б. И. ПУРИШЕВА

Издание второе,
исправленное и дополненное

Допущено

Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности
«Русский язык и литература»

(В)

Москва
«Высшая школа»
1988

Джемс ТОМСОН

(James Thomson)

(1700—1748)

Родился в семье шотландского пастора. Известность приобрел как автор поэмы «Времена года». Новаторство Томсона состояло прежде всего в том, что в век рационалистической поэзии, когда в литературе господствовали урбанистические мотивы, он возродил интерес к природе. Лирические описания природы у Томсона оказали сильное воздействие не только на Грея, Шенстона, Голдсмита, Каупера и на всех поэтов-сентименталистов Европы, но и на гения британской поэзии Р. Бернса, который пишет в первые годы своего творчества стихотворение «Памяти Томсона». В нем он сетует, что ему не хватает «дивного умения Томсона и Шенстона изображать богатую жизнь природы».

Томсон прожил трудную жизнь, ведя постоянную борьбу с нищетой. Он служил гувернером в знатных домах, занимался переводами, правил бездарные вирши меценатов.

Времена года

(«The Seasons», 1726—1730)

Осень

(«Autumn»)

Взгляни на пестрый, многоцветный лес;
Переплелись там тени, а селенье
Все в золоте, и сень дерев мерцаet
Оттенками — то серым, то зеленым,
То черным, словно сажа. Ныне муз
По устланной ковром аллее бродит
И, шелестя, вид осени являет.
Меж тем, все омрачая, тишина

Грядой пернатых облаков покрыла
 Простор безбрежный неба; зыбь реки
 Трепещет, чуть колеблется, не зная,
 Куда направить мирное теченье.
 Уж солнце обволакивают тучи,
 И сквозь прозрачную их пелену
 Оно глядит на луг с изнеможеньем.
 Пора для тех, кого чарует осень,
 Уйти в себя от праздных толп людских,
 Чтобы парить над суэтностью мира,
 И попирать порок своей пятою,
 И умирять волнующие страсти,
 И слиться с тишиной в безгласной роще.
 Так, одинокий, в созерцанье, в грезах
 Я по лугам скитаюсь побуревшим
 Иль провожу в печальной роще дни,
 Где еле слышно песня раздается,
 Лесничего труд тяжкий облегчая.
 Быть может, птичка, овдовев, льет песни,
 Чуть слышным рокотом тревожа рощу;
 А коноплянки, жаворонки, стаи
 Дроздов, чье безыскусственное пенье
 Столь позднею порою пополняет
 Всю музыку роящихся теней,
 Лишенные напевных дум, тревожно
 Сидят на мертвых ветках и дрожат:
 Нет яркости и трепета в их крыльях,
 И щебетанье их полно разлада.
 Да не убьет, прицелившись жестоко,
 Песнь года отходящего охотник;
 Чтобы, вреда не чуя, стая певчих
 Не стала грустной жертвою добычи,
 Вдруг крыльями о землю трепыхая!
 Год на ущербе палевый прелестен.
 Он дышит кротостью и беспрестанно
 Шелест листвы доносится из рощи;
 И вздрагивая часто и спадая,
 Кружатся листья по ветру безвольно,
 Но чуть сильнее ветер меж ветвями
 Заплачет, по небу потоки листьев
 Струятся жалобно, покуда ливнем
 Прибитые, лесные чащи с бурей
 Не обнажатся, став печальной глушью.
 Слетела мертвая листва на нивы,
 И, сморшившись в гряздах, семья цветов
 Роняет свой убор, и плод последний
 С полунасших дерев уже спадает;

Сады, поля, орешники и рощи
Обнажены и леденят нам душу. <...>

Зима

(«Winter»)

<...> Уж в воздухе пушистый снег порхает,
Как будто медля, но еще немного —
И хлопья, отуманив день, ложатся
На землю густо. Пажити родные
Сияют девственном белизною:
Все блещет, кроме темного потока,
В чьих струях тает снег. Унылый лес
Поник седой главою; вот уж солнце
Шлет с запада вечерний, долгий луч,
И грудь земли — пустыня ледяная,
Под снегом склонившая глубоко
Труд человека. Вол изнеможденный
Запорошенный снегом ждет кормов
За тяжкий труд и дикие голубки,
Дыханьем вьюг укрощены, слетаясь
Над ригами, тем кормятся, что им
Шлет прорицание. Одна зарянка,
Угодная и ларам и пенатам¹,
С колючих чащ и невеселых нив,
Подругу бросив зябкую, наносит
Визит свой ежегодный добрым людям.
Сперва полуиспуганная, еле
Она о стекла окон бьет крылами;
Отважась, вот в очаг она влетает,
Припрыгивая, робко озираясь,
Поглядывает искоса на смертных,
Клюет и вздрагивает осторожно,
И, наконец, поближе познакомясь
С семьею мирной, крошки со стола
Прилежно подберет. Поля пустые
Из нор зверьков гоняют. Робкий заяц,
Которого повсюду гонит смерть,
Затравлен сворой псов, или попадаясь
В ловушку, иль охотникам навстречу,
От голода, бесстрашный, в сад бежит.
Скот блеющий то в даль глядит с мольбою,
То смотрит на искрящуюся землю
С отчаяньем и, хмуро разгребая
Сугробы, ищет сена сгнивший клок.
Встает буран: свирепая зима

Метет метели сквозь морозный воздух
По прихоти своей; бедой настигнут,
Стоит пастух и смотрит на холмы
Бездостно, и новые картины
Встают пред ним. След заметает выюга;
Он не находит ни реки, ни рощи
Среди безжизненных пустынь; сходя
В долину, он сбивается с тропинки,
Старается вновь набрести на след
С тоской об очаге, и мысль о доме
Нахлынула вдруг на душу, будя в нем
Последнюю отвагу, но напрасно!
В отчаянье и ужас погружен он!
Меж тем как сумерки своей игрою
Выводят перед взором призрак дома,
Встающий средь снегов, в воображеньи,
Шагает он по мертвенней пустыне,
Все боле отдаляясь от жилья;
Уже сомкнулась ночь неодолимо;
Он слышит свист метели, и пустыня
Еще унылей, мертвеннее ночь...
В мозгу роятся призраки, и бездны
Неизмеримые пред ним отверзлись...
О, крутизна! То — склоны в царство выюги,
Трясин коварных, сгаженных снегами,
Глубоких бездн... Но что за край?
Струя ль ему мерещится благая
Средь озера, иль, может быть, болота,
Где ключ студеный заиграл нежданно?
И умеряет он свой шаг пугливый,
Но вдруг он начинает погружаться,
И под приютом странного потока
Он с горечью встречает час кончины,
И с острою тоской, в груди стесненной,
Последний вздох он испускает, вспомнив
О милых детках, о жене любимой
И о друзьях, которых не увидит.
Его жена камин разводит тщетно,
Ему готовит теплую одежду,
И тщетно щуря глазки и взгляdevши
В окно заиндевевшее, малютки
Мать вопрошают об отце с слезами,
Застывшими в ресницах их. Увы!
Он ни жены своей, и ни малюток,
Ни друга, ни священного жилища
Не узрит боле. Жилы оковала
Смертельная зима, темнит сознанье

И, ледяня своим дыханьем члены,
В сугроб бросает труп окоченелый,
Простертый, брошенный во власть Борея². <...>

Поэма «Времена года» состоит из четырех частей — «Зима» (1726), «Лето» (1727), «Весна» (1728) и «Осень» (1730). Томсон, опираясь на «воображение», которое он противопоставляет классицистическому «Разуму», еще очень поверхностно, идеализированно изображает жизнь крестьян. Томсон не видел классовой борьбы в деревне. По его мнению, гибель деревне несет капиталистический город. В поэме «Осень» имеется следующее описание сельского труда (не вошедшее в текст, приводимый в Хрестоматии):

Едва лишь небо заалеет нежно,
Как в спелой ниве фермеры спешат,
И строятся попарно и красиво,
Все парни — против милых им девчат,
Чтоб облегчить любимой труд — и вот,
Они уж нагибаются все дружно —
Растут снопы до неба золотые. <...>

А вот как изображает Томсон досуг сельской молодежи:

<...> Деревня собралась на луг веселый —
Приятен вид здоровых, загорелых
И крепких деревенских пареньков,
И девушки, как розы молодые,
Румяные, в нарядах немудреных,
Плениют взор бесхитростным кокетством. <...>

Еще при жизни Томсона раздавались голоса, протестующие против такой сладко- сентиментальной картины деревенских нравов. Так, из среды английских крестьян выдвинулся поэт Джон Кей, который создал поэму «Мольтъба». В 50-х годах выступил другой крестьянский поэт — Блумфильд. В его поэме «Сбор урожая» подробно и реалистически описывается тяжелый труд батрака.

Однако ввиду того что оба эти поэта не обладали большим талантом, они не сумели преодолеть господствующее классицистическое и сентиментальное направления в британской поэзии. Сокрушительный удар сентиментализму нанесли гениальный Р. Бернс и выступившие в 10—20-х годах XIX в. романтики.

¹ Лары и пенаты — божества домашнего очага (антич. мифол.). вестник наступившей зимы (антич. мифол.).

² Борей — холодный северный ветер,

Эдуард Юнг

(Edward Young)
(1683–1765)

Прожил долгие годы в бедности и безвестности, прежде чем приобрел всеевропейскую славу. Юнг в молодости пытался проявить себя как драматург (крайне неудачно), затем хотел посвятить себя государственной деятельности, пройти в парламент, но безуспешно. Тогда он принял сан священника.

Однако Юнг занял весьма скромное положение в церкви, так как не имел ни состояния, ни соответствующих связей. Одновременно он продолжает литературную деятельность. В 1742–1745 гг. Юнг написал прославившую его поэму «Жалоба, или Ночные думы о жизни, смерти и бессмертии». Кроме того, Юнг выступает как теоретик нового направления в литературе — сентиментализма (пишет трактат «Предположение об оригинальных сочинениях», 1759). Этот труд оказал воздействие на развитие английской литературы.

В России Юнг приобрел известность благодаря переводам Карамзина и Жуковского.

Ночные думы

(«The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death and Immortality», 1742–1745)

Пробуждение ночью («Night awaking»)

Сон сладкий — сил утраченных бальзам!
Как мимолетный дух, покой даришь ты
Счастливцам, но минуешь ты скорбящих:
Бежишь ты горя, легкокрылый гость,
Смежая всегда тем, кто слез не ведал.

От сна я вновь тревожно пробуждаюсь;
Вы, вечным сном почившие, блаженны!
В могилах ваших грэзы не роятся!
Я ж пробуждаюсь, встав из моря грез
Печальных, где, надежд лишась отрадных,
Мой ум средь волн вообразимых горя
Тонул и уронил руль управленья.
Я встал, но пробужденье — смена мук,
Горчайшая из горьких! Слишком краток
День для моих скорбей, а ночь слепая,
В самом зените царства своего,
Не так мрачна, как рок, бедой чреватый.

Но мрачная с эбенового трона —
Богиня тьмы — простерла величаво
Свинцовый жезл над дремлющей вселенной.
Безмолвье мертвое! И мрак глубокий!
Я слеп, и шум не досягнет до слуха.
Все сущее объято сном; пульс жизни
Не бьется, вся природа в летаргии;
О, вещий сон, предвестье смерти мира,
Да сбудется пророчество твое!
Рок, опусти завесу! Все равно мне.
Тьма, Тишина — родные сестры! Чада
Извечной Ночи! Неокрепший ум
Вы озарили мудростью пресветлой —
И он вознесся тверд и непреклонен,
Столп истинный величья человека.
Споспешествуйте мне во всем, и вам я
Гимн вознесу из стен моей гробницы,
Из царства ваших теней, там, где прах мой
Быть должен жертвою священной раки.
Но что вы!

Ты, кто хаос первобытный

Глаголом расколол, зажегши звезды
В полете их над тусклою землею!
О Ты, чье слово высекло, как искру,
Из тьмы светило, мудрым дух созижи,
Дух, бодрствующий над тобой, надежным
Своим сокровищем, как ночью скряга
Над золотом, когда весь мир почиет!
Сквозь эту мглу природы и души —
Двойную ночь — пролей луч милосердья,
Утешь и озари мой темный разум,
И духу, алчущему лишь покоя,
Поводырем будь в бытии и в смерти.
Да вдохновит свет истин их на подвиг!
О, вдохновит на подвиг и на доблесь,
Как вдохновлял ты музу, наставляя
Добру мой ум, высоким чувствам — душу,
И укрепи меня в решеньи твердом
Дух сочетая с мудростью, которой,
Как данник, уплачу я долг посильный,
Дабы фиал возмездья¹ твоего,
Излитый над главою, обреченной
На гибель, — не излит он был бы всуе.

O человеке

(«On Man»)

Сколь нищ и щедр, величествен и низок,
Сколь усложнен и чуден человек!
Сколь величавей тот, который создал
Его себе подобным в этом мире,
В нем сочетая крайности такие!
Чудесный сплав различных двух естеств,
Изысканная связь миров далеких!
Звено в цепи существ столь бесконечных!
Посредник меж ничтожеством и богом!
Небесный луч, коснеющий в пыли,
Божественный, хотя в пыли коснеет!
Он — сколок безусловного величья,
Наследник Славы! Он же — чадо праха!
Бессмертный в немощи своей и тля!
Червь, бог! — я за себя дрожу и в дебрях
Души моей теряюсь. Мысль, как гостья,
Изумлена, на все взирая в страхе,
Дивясь себе самой. Как ум кружится!
Пред человеком человек есть тайна!
Ликуя, страждет! Веселясь, печален!

То он восторжен, то мятется духом!
Кто сохранит мне жизнь? Кто жизнь отымет?
Меня из гроба Серафим² не вырвет
И легионы ангелов не смеют,
Пусть даже плоть и ввергнута в гробницу,
Предать не смеют тлену с плотью — душу.

Мысли на кладбище

(«Thoughts on Churchyard»)

О, то — пустыня, то — уединенье.
Населено и жизненно кладбище!
То сущего творенья склеп унылый,
Юдоль скорбей, где кипарисы мрачны
Дол призраков, блуждающих теней!
Все на земле есть тень, в потусторонних
Мирах все — сущность; в этом символ веры.
Как прочно все, где перемены нет!
То — бытия побег и тусклый проблеск,
Преддверие, дня сумрак несказанный.
Над жизнью полог здесь опущен. Смерть,
Одна лишь Смерть, суровая, могла бы
Открыть покрышку гроба, можно сдвинуть
Тяжелую и глиняную глыбу,
Нас от оков реальной жизни претворив.
Но как далек побег сей невзошедший,
Сев, прозябающий в почившем предке.
Зародышами будем мы до дня,
Когда прорвем мы оболочку неба,
Тот синий свод, воскреснем мы для жизни,
Для жизни человеческой и божьей!
Но человек — безумное творенье —
Хоронит здесь заветные все думы,
Надежды все, не испустив и вздоха,
И, пленик бренный, он в подлунном мире
Всем помыслом к земному лишь прикован,
Но, небом окрыленный, в бесконечность
Он улетает, чтоб тех сфер достигнуть,
Где серафимы обретают вечность,
Где древо жизниечно расцветает.
О, сладости амброзии³, горящей
В душистых гроздьях под лучом нетленным,
Созревшие для праведников божьих,
Где преходящее все исчезает,
Где время, скорбь и смерть уже бессильны!

Возможно ли на протяженье века,
Пока живем не грезить о бессмертии
И дух бессмертья погасить во прахе?
Душа, что расточает весь огонь свой,
Растратив силы в праздности и лени;
Дух, ропщущий, восторженный, смятенный,
Как бы ему ни угрожала жизнь;
Дух, преданный лишь бурным наслажденьям,
Подобен океану в пору бури,
Чей вихрь уносит пух иль топит муху <...>

Поэма Юнга не нова по жанру — жанр сновидения известен в европейской поэзии со времен раннего средневековья; не новые и религиозно-мистические мотивы, которыми она проникнута — ими увлекались средневековые поэты-монахи, авторы некоторых рыцарских романов. Значные поэмы Юнга в своеобразности реакции на рационализм и дидактику классицистов, в умении поэта раскрыть внутренний мир человека.

Выше приводятся отрывки из поэмы.

¹ Юнг ведет диалог с богом. Он просит у него милосердия и мужества в минуту смерти. Ибо смерть, которую поэт может встретить в страшне, не искупит, по его мнению, гре-

хов земного существования (мотив христианской мистики).

² Серафим — по христианской мифологии, высший ангельский чин.

³ Амбrozия — пища богов в древнегреческой мифологии.

Томас ГРЕЙ

(Thomas Gray)

(1716—1771)

Родился в Лондоне в семье бизнесмена из Сити. Отец его был жестоким и грубым человеком. Он тиранил жену — мать поэта, которую Томас очень любил, запугивал и истязал сына. Достигнув школьного возраста, Т. Грей поступает в Итонский аристократический колледж, в котором в свое время учились такие гении английской литературы, как Филдинг и Шелли.

По окончании Итонского колледжа Т. Грей учится в Кембриджском университете. Свое образование Грей завершил, посетив ряд стран Европы: Италию, Швейцарию, Францию. Смерть отца (в 1741 г.) лишила его материальной поддержки и возможности вести жизнь независимого художника. Он поселяется вместе с матерью в скромном местечке Строук Поджес и начинает интенсивно работать: пишет стихи философского содержания (в духе А. Попа), посвященные Прево, сочиняет в подражание Расину пьесу «Агриппа». Однако отношения с издателями оказалось делом настолько трудным, что Грей вынужден был искать более надежный источник дохода. Он поступил преподавателем новой истории в Кембриджский университет, переселившись на постоянное жительство в городок Кембридж. Остаток жизни Грей провел в усиленных занятиях, собирая материалы для «Истории английской поэзии» (которую не сумел завершить) и лишь изредка обращаясь к поэзии и художественному переводу.

Радикализм и прогрессивность философских и политических взглядов Грея нашли отражение в его лекциях и поэтических произведениях — шедеврах английской сентиментальной поэзии («Прогресс Поэзии», «Бард», «Элегия, написанная на сельском кладбище», «Ода по поводу Радости, доставляемой изменчивостью» и др.). Грей продолжает в поэзии сентиментализма идеи и принципы критического направления английской просветительской литературы первой половины XVIII в. До конца жизни Грей оставался скромным лектором, которому лишь за три года до смерти было, наконец, присвоено звание профессора (в 1768 г.).

Элегия, написанная на сельском кладбище

(«An Elegy written
in a Country Church Jard», 1749)

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает ...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмутившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосен и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денница тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье —
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огнь сверкая
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,
Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали,
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали,
И потом их лица кропилася земля!

Пускай рабы сует их жребий унижают,
Смеяся в слепоте полезным их трудам,
Пускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогое делам;

На всех ярится смерть — царя, любимца славы,
Всех ищет грозная ... и некогда найдет;

Всемоющие судьбы незыблыми уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

А вы, наперстники фортуны ослепленны,
Напрасно спящих здесь спешите презирать
За то, что гробы их непышны и забвены,
Что лесть им алтарей не мыслит воздвигать.

Вотще над мертвыми, истлевшими костями
Трофеи зиждутся, надгробия блестят,
Вотще глас почестей гремит перед гробами —
Угасший пепел наш они не воспалят.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратит?
Не слаще мертвых сон под мраморной доскою,
Надменный мавзолей лишь персть их бременит.

Ах! может быть, под сей могилою таится
Прах сердца нежного, умевшего любить,
И гробожитель-червь в сухой главе гнездится,
Рожденной быть в венце иль мыслями парить!

Но просвещенья храм, воздвигнутый веками,
Угрюмою судьбой для них был затворен,
Их рок обременил убожества цепями,
Их гений строгою нуждою умерщвлен.

Как часто редкий перл, волнами сокровенный,
В бездонной пропасти сияет красотой;
Как часто лилия цветет уединенно,
В пустынном воздухе теряя запах свой.

Быть может, пылью сей покрыт Гемпден¹ надменный,
Зашитник сограждан, тиранства смелый враг;
Иль кровию граждан Кромвель² необагренный,
Или Мильтон³, немой, без славы скрытый в прах.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться с бурей бед, фортуну презирать,
Дары обилия на смертных лить рекою,
В слезах призательных дела свои читать —

Того им не дал рок; но вместо преступленьям
Он с доблестями их круг тесный положил;
Бежать стезей убийств ко славе, наслажденьям,
И быть жестокими к страдальцам запретил;

Таить в душе своей глас совести и чести,
Румянец робкия стыдливости терять,

И, раболепствуя, на жертвенныхниках лести
Дары небесных Муз гордыне посвящать.

Скрываясь от мирских погибельных смятений,
Без страха и надежд, в долине жизни сей,
Не зная горести, не зная наслаждений,
Они беспечно шли тропинкою своей.

И здесь спокойно спят под сенью гробовою —
И скромный памятник, в приюте сосн густых,
С непышной надписью и резьбою простою,
Прохожего зовет вздохнуть над прахом их.

Любовь на камне сем их память сохранила,
Их лета, имена потщившись начертать;
Окрест библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто с сей жизнию без горя расставался?
Кто прах свой по себе забвенью предавал?
Кто в час последний свой сим миром не пленился
И взора томного назад не обращал?

Ах! нежная душа, природу покидая,
Надеется друзьям оставить пламень свой;
И взоры тусклые навеки угасая,
Еще стремятся к ним с последнею слезой;

Их сердце милый глас в могиле нашей слышит;
Наш камень гробовой для них одушевлен;
Для них наш мертвый прах в холодной урне дышит,
Еще огнем любви для них воспламенен.

А ты, почивших друг, певец уединенный,
И твой ударит час — последний, роковой;
И к гробу твоему, мечтой сопровожденный,
Чувствительный придет услышать жребий твой.

Быть может, селянин с почтенной сединою
Так будет о тебе пришельцу говорить:
«Он часто по утрам встречался здесь со мною,
Когда спешил на холм зарю предупредить.

«Там в полдень он сидел под дремлющею ивой,
Поднявшей из земли косматый корень свой;
Там часто, в горести беспечной, молчаливой,
Лежал, задумавшись, над светлою рекой;

Нередко к вечеру, скитаясь меж кустами,—
Когда мы с поля шли и в роще соловей
Свистал вечерню песнь,— он томными очами
Уныло следовал за тихою зарей.

Прискорбный, сумрачный, с главою наклоненной,
Он часто уходил в дубраву слезы лить,
Как странник, родины, друзей, всего лишенный,
Которому ничем души не уладить.

Взошла заря — но он с зарею не являлся,
Ни к ниве, ни на холм, ни в лес не приходил;
Опять заря взошла — нигде он не встречался;
Мой взор его искал, искал — не находил

На утро пение мы слышим гробовое...
Несчастного несут в могилу положить.
Приблизься, прочитай надгробие простое,
Чтоб память доброго слезой благословить».

*Здесь пепел юноши безвременно сокрыли,
Что слава, счастье не знал он в мире сем:
Но музы от него лица не отвратили,
И меланхолии печать была на нем.*

Он кроток сердцем был, чувствителен душою —
Чувствительным творец награду положил.
Дарил несчастных он — чем только мог — слезою;
В награду от творца он друга получил.

Прохожий, помолись над этою могилой;
Он в ней нашел приют от всех земных тревог;
Здесь все оставил он, что в нем греховно было,
С надеждою, что жив его спаситель — бог.

«Элегия» — самое значительное произведение Томаса Грея. В ней с наибольшей полнотой выразились его демократические взгляды, глубокое сочувствие труженикам, гений которых «строгою нуждою умерщвлен». Протест, звучавший в «Элегии» Грея, глубоко поразил его современников (хотя Филдинг и Смоллетт выразили ту же мысль в своих прозаических произведениях за два десятилетия до Грея). «Элегию» сразу же перевели на все европейские языки. В России она стала известна уже в начале 80-х годов XVIII в. В 1802 г. в журнале «Вестник Европы», издаваемом Карамзиным, переводом «Элегии» начал свою литературную деятельность молодой Жуковский. Через 40 лет Жуковский, посетив сельское кладбище близ Виндзора, где Грей написал свое произведение, вторично перевел на русский язык его «Элегию».

Выше приводится отрывок из «Элегии» в раннем переводе Жуковского.

¹ Джон Гемпден (1594—1643) — деятель английской буржуазной революции XVII в., соратник Кромвеля.

² Оливер Кромвель (1599—1658) — вождь английской буржуазной революции XVII в., глава партии индепен-

дентов. После провозглашения республики объявил себя лордом-протектором и стал осуществлять диктатуру в интересах крупной буржуазии.³ Джон Мильтон (1608–1674) – великий английский поэт, певец английской буржуазной революции XVII в. Исполнял обязанности секретаря иностранной коллегии (министерства иностранных дел) при Кромвеле; бесстрашно выступал против монархов Европы. Перу Мильтона принадлежит ряд демократических законопроектов (о праве на расторжение брака, о ликвидации сословных привилегий и

многие другие). В результате длительной болезни глаз Мильтон ослеп. После реставрации Стюартов (в 1660 г.) он попал в опалу. Однако, слепой и гонимый, Мильтон нашел в себе силы создать гениальные произведения – поэмы «Потерянный Рай», «Возвращенный Рай», трагедию «Самсон-боец», сонеты и другие произведения. Мильтон умер всеми забытым. Лишь после падения династии Стюартов (1688 г.) он завоевывает всеобщее признание, слава его становится всемирной.